

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редационный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Точно так же впервые в главе о сочинении и рукописи А.Б. Халидов в общем, сводном виде показывает характерную для разных жанров композицию сочинений и их оформление в рукописях, анализирует принятые формулы и термины. Вообще внимательный разбор употреблявшихся формул и терминов свойствен практически всем главам книги, будь то раздел о передаче знания, книготорговле или об оформлении рукописи. Об этом свидетельствует хотя бы соответствующий указатель, насчитывающий около 200 терминов, которые все получили разъяснение в тексте.

Хотя научное исследование арабских рукописей ведется в Европе и России в течение не менее полутора-двух веков, в нашем веке им серьезно занялись в странах Востока и в Америке; до сих пор литература, посвященная рукописям как объекту исследования, весьма невелика. Пожалуй, наиболее объемлющей является книга Педерсена, опубликованная 40 лет назад. Поэтому появление книги советского ученого, давшего значительно более полную сводку и глубокое исследование данных, чем все существующие, является несомненным вкладом в мировую арабистику.

Книга А.Б. Халидова – плод нескольких десятилетий работы – содержит огромный объем информации, тщательно отобранных сведений источников и научной литературы и собственных наблюдений и выводов. Она является одновременно и серьезной монографией, и своего рода справочным изданием по арабским рукописям. Появление ее чрезвычайно своевременно: сейчас в рукописных хранилищах СССР идет активная подготовка каталогов арабских рукописей, а книга А.Б. Халидова представляется в равной мере полезной и для приступающих к этой работе, и для серьезных специалистов в этой области.

С.Б. Певзнер.

М.Б. Пиотровский. Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневекового общества. М., 1985. 224 с.

Работа М.Б. Пиотровского представляет собой первое в изучении истории Ближнего Востока исследование, объединяющее рассмотрение двух различных эпох и культур – доисламской и мусульманской. Это придает исследованию особую ценность, позволяя проследить ход социального развития, возникновение и становление феодальных отношений и показать специфику взаимодействия социально-экономических отношений с культурой и идеологией, характер обратного воздействия идеологии на социальные отношения и т.д. Важность такого исследования для изучения проблем смены социально-экономических формаций не нуждается в пояснениях. Для Ближнего Востока, где смена культур произошла почти повсеместно и по времени близка к переходу от древнего к средневековому обществу, такие исследования насущно необходимы. Однако их еще нет ни для одной из стран Ближнего Востока.

Работа такого характера затрудняется резким различием источников для разных эпох, необходимостью для автора совместить две специальности. Для Йемена эта трудность усугубляется резким различием и в объеме источников, и в уровне их разработанности: если хымьаритские надписи малочисленны и кратки, но хорошо и подробно изучены, то средневековые йеменские хроники многочисленны и объемны, но зачастую известны лишь по рукописям и совершенно не исследованы, а частью вообще впервые привлекаются ученым. Автор прекрасно справился с этими трудностями. Поражает мастерство, с которым он переходит от документального материала эпиграфики к зыбким данным раннемусульманского предания, от анализа скупых социальных терминов надписей к разбору подробных описаний сельскохозяйственной или налоговой практики Йемена в средневековых йеменских хрониках, создавая из этих разнохарактерных и разномасштабных данных уравновешенное описание и исследование йеменской истории на протяжении почти пяти веков.

Автор дает исследование очень большого, сложного и малоизученного периода в обзорном виде и объеме, разработав оригинальную методику изучения ключевых проблем и ключевых источников, точно выделив узловые моменты в истории Йемена и самого процесса исследования. Сочетание этих двух сторон достигнуто делением работы на главы, проследивающие основные проблемы истории Йемена на протяжении всего периода, и экскурсии, представляющие анализ ключевых источников по каждому периоду или проблеме. При этом каждой главе соответствует определенный экскурс, раскрывающий методику автора, его источниковедческие позиции и сообщающий конкретный фактический материал по узловым проблемам главы.

Главе „Эпоха и источники“ соответствует экскурс „Йеменские посольства к Мухаммаду“. Анализ памятника – посланий Мухаммада к племенам Аравии, – давно привлекающего внимание ученых, принадлежит к наибольшим достижениям автора. М.Б. Пиотровский убедительно показывает, что этот памятник отражает раннемусульманское йеменское предание, вскрывает характер его тенденциозности, определяет время сложения памятника (середина VII в.) и среду, в которой он создавался, соотношение документального характера посланий (частично восходящих к подлинным документам) и их легендарно-фольклорного аспекта. Работа открывает широкие возможности для дальнейшего изучения памятника и его исторического использования, и уже этот результат заслуживает самой высокой оценки.

Главе „Политическая история“ соответствует экскурс „Первое исмаилитское движение“, посвященный наиболее сложной проблеме политической истории ранне-средневекового Йемена и одновременно дающий исчерпывающий источниковедческий анализ средневековых йеменских хроник. Эти разделы вносят много нового в изучение истории развития ислама.

Одной из центральных является глава „Кочевники и оседлые“, в которой подробно рассматриваются взаимоотношения Йемена с Внутренней Аравией с III в. н.э., процесс взаимодействия арабской и хьмьяритской культур и последовательной арабизации Йемена. Автор различает проникновение нового населения и проникновение культуры, показывая параллели из истории аналогичного процесса на северной окраине Аравии: подобно тому как эллинизация арабов в III–VI вв. сменяется арабизацией населения Сирии в VII–VIII вв., так и на южной границе первоначальный процесс хьмьяритизации сменяется в VII в. быстрой арабизацией хьмьяритов, лишь частично связанной с переселениями. Глава содержит очень большой и новый материал, детально проследивая расселение арабов в Йемене; особо отметим краткую сводку данных о сохранении в Южной Аравии к X в. хьмьяритского языка (с. 70, примеч. 4).

Однако автор несколько преувеличивает кочевой характер арабов, селившихся в Йемене, видимо, под влиянием традиционного представления об арабах VI–VII вв. как о кочевниках–бедуинах. Вероятно, этим вызван и перевод термина ‘араб – бедуины’ не только в южноаравийских надписях, но даже и в арабских источниках. См. с. 58 – ‘араб (арабы – бедуины)’. Однако в арабской литературе этот термин явно носит этнический характер и должен переводиться ‘арабы’, даже если речь идет о бедуинах.

Новые материалы южноаравийских надписей показывают, что слово ‘араб’ в сабейском является, несомненно, лексическим заимствованием из североарабского и означает всех жителей Внутренней Аравии, даже когда речь идет о наверняка оседлых жителях города Қарйат ʿат-Қахил или о арабах – военных наемниках, уже поселившихся в Йемене и, несомненно, в значительной части живших оседло, хотя и сохранивших племенную военную организацию. Наиболее четкий контекст, подтверждающий такое понимание термина, вводит в научный оборот сам автор, указывая, что грамота Мухаммада к конфедерации Хамдан обращена к ухмур ва – ‘араб – хьмьяритам и арабам’ (с. 58).

Детально исследуется социальная стратификация общества и ее изменения на протяжении раннего средневековья в главах „Структура общества“ и „Состав правящего слоя“ и в соответствующих экскурсах „Судьба кайлей“ и „Йеменские персы – абна“. Автор показывает изменение состава господствующего класса, замены одной группировки другой, падение социальной роли старых правящих

слоев и выдвигание новых, сопровождающие развитие и распространение феодальных отношений. Все это позволяет читателю увидеть конкретную картину развития социальных отношений, изменения форм и способов эксплуатации непосредственных производителей.

Заключительная глава „Борьба вероучений“ и экскурс „Единобожие в доисламском Йемене“ дают подробный анализ идеологии йеменского общества: возникновение, развитие и взаимная борьба различных течений раннего ислама в определенной провинции Халифата, среди определенных политических и социальных сил, устанавливается связь этих религиозных течений как с социальными слоями общества, так и с религиозными представлениями древнего Йемена и с религиозной борьбой в Халифате. Автор показывает, что Йемен играл значительную роль в развитии мусульманских вероучений.

Выводы М.Б. Пиотровского хорошо обоснованы и весьма убедительны. Уточнений требует, на мой взгляд, лишь проблема йеменского „неопределенного монотеизма“. Автор трактует его как особое религиозное направление, „сходное по духу“ с иудаизмом, христианством и арабийским „ханифством“, „но отличное от них всех“ (с. 105), ср. ниже: „В Йемене существовали три формы, три вида единобожия: неопределенный монотеизм, иудейство, христианство“ (с. 107).

Однако „неопределенный монотеизм“, видимо, никогда не был сколько-нибудь оформленным и организованным течением (хотя бы в том плане, как арабийское ханифство, осознавшее свое отличие от других религий), поэтому его нельзя противопоставлять иудаизму и христианству. С конца IV в. все, без исключения, надписи йеменских царей и подавляющее большинство других известных надписей — монотеистические. Это, несомненно, свидетельствует, что в конце IV в. в Йемене была принята новая государственная религия, поддержанная царской династией. Характер формул в ранних царских надписях не позволяет определить, было ли это христианство или иудаизм, однако, несомненно, что это была „организованная“, догматическая религия, т.е. или иудаизм, или одно из течений христианства.

Арабская традиция о принятии иудаизма Абукарибом Ас'адом подкрепляется, видимо, явно иудаистской надписью Йехуды Иаккуфа, тогда как данные о „первоначальном христианстве“ кайлей рода 'Абд Кулал и сведения о миссии Феофила Индуса позволяют говорить о христианстве (арианстве?) и подкрепляются, может быть, неопределенным характером религиозных формул царских надписей.

Принятие новой религии, вероятно, не связывалось с определенной внешнеполитической ориентацией и было направлено против местных языческих культов в рамках общей централизаторской политики хымьяритских царей IV—VI вв. Оно сопровождалось поэтому поддержкой как христианских, так и иудейских общин, существовавших в Йемене ранее вокруг поселений иноземных купцов.

Вокруг иудейских и христианских общин и складывалась „народная религия“ новообращенных, ограничивавшаяся общими представлениями о едином божестве и поверхностным восприятием „священного писания“, библейских религиозно-этических представлений и мифологии. Отсюда, может быть, и исходит мусульманское представление о „людях писания“, объединяющее иудеев и христиан.

Йеменский неопределенный монотеизм носил, несомненно, характер „народной религии“, не оформленной ни организационно, ни идеологически, свободно включавшей в себя как разные варианты библейской и „церковной“ истории, так и пережитки языческих верований, мифологии и особенно обрядов и ритуалов. Но в культовой практике Йемена он, несомненно, воплощался более определенно либо в виде иудаизма, либо одного из течений христианства. Поэтому и в IV в. нельзя говорить об „оттеснении йеменского единобожия“ иудаизмом и христианством (с. 106). Проходивший процесс следует характеризовать как „поляризацию“ верующих в ходе политических и социальных столкновений. Этот процесс следует сопоставить с „пророческим движением“ в Аравии VII в., где все „пророки“ выступали на базе сходных религиозных представлений (вероятно, идентичных йеменскому „неопределенному монотеизму“), т.е. каждое политическое движение выдвигало собственный вариант религиозной идеологии.

Заключение „Пути развития Южной Аравии в раннем средневековье“ дает общее описание социально-политических процессов в Йемене V—X вв., их теорети-

ческое определение как процессов развития раннефеодального общества, завершающегося сложением развитых феодальных отношений, и выявление специфики этого процесса, „путей“ развития феодализма.

Автор определяет начальный этап как „хымьяритский путь“, т.е. путь с явным превалированием античных начал, из внутренних ресурсов древнего общества. Он отмечает параллельное развитие во Внутренней Аравии как „аравийский путь“ или путь генезиса феодализма непосредственно из родоплеменного строя. На втором этапе в результате взаимодействия этих двух типов происходит синтез, и в дальнейшем развитии элементы древнего общества и элементы, привнесенные извне, уравниваются друг друга.

Выводы автора представляются надежными и убедительными и открывают новые пути исследований. Так, например, монографическое исследование истории Киндитского государства даст, вероятно, значительные новые данные о взаимоотношениях Йемена с Центральной Аравией, а детальная разработка посланий Мухаммада к Йеменским властителям позволит нарисовать более подробную картину социальных отношений в Йемене в VII в.

Рецензируемая работа представляет важный вклад в изучение проблемы становления феодализма и будет интересна для всех исследователей средневековья.

А.Г. Лундин.

А.Ч. Козаржевский. Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М., 1985. 146 с.

Рассматриваемая книга, написанная на основе спецкурсов, прочитанных ее автором студентам кафедр истории древнего мира и классической филологии Московского университета, посвящена Новому Завету как собранию раннехристианских литературных памятников. Необходимость серьезного специального пособия, обращенного к данной теме в нашей высшей школе, очевидна. Идеи Нового Завета, выдержав полемику периода поздней античности, определили пути философской мысли, общественной идеологии и культуры Европы и ряда народов Ближнего Востока в эпоху средневековья. Не утратили во многом они своего значения и в духовных судьбах Нового времени. Новозаветные сюжеты, составив главное содержание средневекового европейского искусства, и в дальнейшем продолжали привлекать к себе внимание художников и музыкантов. Без знакомства с Новым Заветом невозможно полноценное изучение литературы и искусства как Древней Руси, так и России XVIII—начала XX в. Одним словом, такая книга нужна широкому кругу специалистов — историкам, филологам, историкам философии и искусствоведам. Как указывает сам А.Ч. Козаржевский, он „поставил перед собой пропедевтическую задачу: вести читателя — историка—античника и медиовиста, философа—религиоведа и специалиста по научному атеизму, а также филолога—классика — в круг основных проблем, связанных с исследованием Нового Завета как исторического источника, причем источника не столько фактов, сколько идей“ (с. 8).

Свою книгу автор предваряет введением (с. 3—11), в котором высказывает некоторые методологические замечания и дает краткий обзор появившихся в последние два десятилетия в советской печати сочинений, отечественных и переводных, так или иначе затрагивающих рассматриваемую им тематику. Здесь же приводится избранная библиография предмета на русском языке (главным образом книги, вышедшие в советское время) и указываются некоторые пособия общего характера на немецком и английском языках, принадлежавшие в основном протестантским авторам.

Первые пять глав книги (с. 12—44) посвящены истории сложения новозаветного канона, рукописям, содержащим новозаветные книги или их отрывки, изданиям греческого текста Нового Завета, его переводам, а также языку его оригинала.